

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ДРАКОНОРОЖДЕННЫЕ»:

ВЛАСТЬ ОГНЯ

ЯРОСТЬ ОГНЯ

Продолжение следует...

РОЗАРИЯ
МУНДА

ПРОСТОТНЯ

Freedom

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М90

Rosaria Munda
FLAMEFALL
Copyright © 2021 by Rosaria Munda

Мунда, Розария.

М90 Ярость огня / Розария Мунда ; [перевод с английского А. Жданович]. — Москва : Эксмо, 2022. — 544 с. — (Young Adult. Драконорожденные).

ISBN 978-5-04-170583-1

Энни

Меня провозгласили Первой Наездницей Каллиполиса. Когда-то мы с Ли не смогли противостоять своим чувствам, но нам суждено было сойтись в смертельной схватке. Отныне я служу своему народу. В битве против Повелителей драконов мне необходимо заручиться поддержкой опытного наездника, способного говорить на драконьем языке. До захода солнца мне нужно найти его, ведь когда ночь накроет город, битвы уже будет не избежать. Но на чьей стороне тогда окажется Ли?

Ли

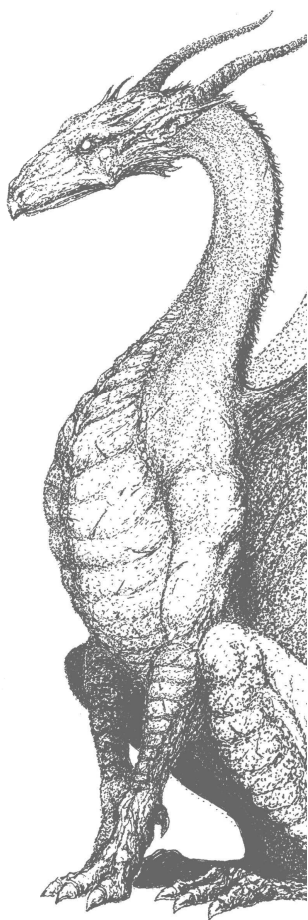
Раньше весь мир лежал у наших ног, а сегодня кровь драконорожденных на моих руках. После убийства родных и предательства Первого Защитника, моя жизнь разделилась на до и после. Теперь мне суждено свергнуть Атрея и присоединиться к группе отверженных — тем, кто стремится подарить жителям надежду на новую жизнь. Предстоит только решить: идти рука об руку с Энни или перейти к тем, кто остановит кровопролитие.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-170583-1

© Жданович А., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Посвящается моим отцу и брату,
настоящим мечтателям*

1

НОВЫЙ ПИТОС

ГРИФФ

Джулия пропала, оставив меня в ужасном состоянии. Холод и сырость только усугубили мое мрачное настроение, хотя на Новом Питосе всегда было холодно и сыро. Я потрошил рыбу в подсобке, примыкающей к логову драконов, когда появился Скалли.

— Повелитель драконов желает тебя видеть, — сообщил смотритель логова.

И это был отличный способ сделать мой день еще хуже. Брэн и Фионна, два других оруженосца, вместе со мной выполнявших сегодня задачу по потрошению рыбы, обменялись взглядами. Наши руки были по локоть в ошметках рыбьих костей и чешуи, и вонь рыбьего жира будет шлейфом струиться за нами до самого логова, а теперь я еще упущу единственную привилегию, что дает приготовление пищи для драконов, — не смогу утащить остатки домой. Я выпрямился, вытирая руки о замызганную тряпку.

Скалли ненавидел мой безупречный драконий язык, и именно поэтому я старался использовать его как можно чаще.

— Кто из повелителей... — я сделал достаточно длинную паузу, чтобы он помучился в догадках, добавлю ли я что-нибудь еще, — сэр?

Скалли нахмурился. Вот почему он постоянно заставлял меня потрошить рыбу. Грубиян. Не говоря уже о том, что наши кланы люто ненавидели друг друга.

— Тот, кому ты служишь, — ответил он на норише.

В другие дни это стало бы хорошей новостью. Но сегодня я мог только переживать за Джулию.

На балюстраде меня ожидал Дело Небесная Рыба.

Помню, как в детстве меня поразили каллиполийские ссыльные, прибывшие на Новый Питос: своей призрачной бледностью выживших из семейства Грозового Бича и теплым загаром с густыми кудрями повелителей из рода Небесных Рыб. Дело Небесная Рыба больше не походил на лохматого оборванца, приставшего к берегу десять лет назад, но он по-прежнему был ослепителен, а при виде его меховой накидки и аккуратно зачесанных волос я еще острее осознавал, как отвратительно выгляжу.

Я низко поклонился:

— Неожиданная честь для меня встретиться с вами, мой повелитель.

Дело пробормотал в ответ:

— Как обычно.

Я выпрямился, встретившись с мрачным взглядом Дело, который словно понимал, что я пытаюсь вывести его из себя. Он был моим ровесником, немного выше, но намного изящнее.

— Триархи-в-Изгнании желают говорить с тобой.

Я обхватил себя руками, пытаясь унять дрожь от прохладных морских брызг, которыми обдавал меня

дующий с моря ветер. Мы казались гномами по сравнению со скалами и Крепостью, возвышающимися над нами, и известняковыми карстовыми столпами, выступающими из моря и устремляющимися в небо.

— Они сказали вам зачем?

Я использовал официальное обращение, но Дело всегда обращался ко мне на «ты». Когда мы были моложе и я только начинал осваивать драконий язык, он пытался заставить меня и употреблять неформальную форму местоимения, и обращаться к нему на «ты», или, в конце концов, разговаривать с ним на норише, который он в то время изучал, но я отказывался. В испытаниях силы воли я всегда побеждал Дело.

— Они хотят расспросить тебя о Джулии, — ответил он. — Она пропала.

Как будто я не заметил.

— Откуда мне знать, где Джулия?

Дело колебался:

— Иксион рассказал им.

Судя по тому, каким тоном он сказал это, я понял, что не должен интересоваться, что именно сказал Иксион.

Последний раз, когда я видел Джулию, наши губы сливались воедино. В темноте я чувствовал лишь ее улыбку, пока она дергала мою рубашку, чтобы задрать ее выше. Она всегда улыбалась, словно мы играли в какую-то только ей известную игру, а ее забавляла возможность победить.

«Иксион рассказал им».

Я остановился, и Дело тоже замедлил шаг, оглянувшись на меня. По его лицу я прочитал все, что вот-вот произойдет со мной в стеклянном зале. Он не говорит, что ему жаль, а я не говорю: «Иксион не имел права». К этому моменту мне уже не привыкать к унижениям, которым меня подвергал Иксион.

Как, например, направляться в стеклянный зал в качестве любовника-простолюдина Джулии, смердящего рыбой.

И Дело, словно прочитав мои мысли, начал копать в своем ранце.

— Я принес чистую рубашку.

Практически вся одежда Дело — голубого цвета, цвета его рода, но эта рубашка была простой, белой, как раз подходящей для простолюдина. Но даже она была лучше, чем все, что у меня когда-либо имелось, и которую я, скорее всего, безбожно испачкаю. Я натянул ее через голову и заметил, что Дело наблюдает за мной. Но, увидев мой взгляд, тут же потупил глаза в землю. Аромат, оставшийся на его рубашке, ударил мне в нос.

Я поднимался следом за Дело по наружной винтовой лестнице, высеченной в неприступной скале и выходящей на Северное море, — она соединяла логово драконов, где я работаю, с Крепостью на вершине горы. Оба строения были построены еще во времена первого нашествия аврелианцев, когда они вторглись в Норчию со своими драконами, поработили мой народ и переименовали наш остров в Новый Питос. Чистокровные драконы вскоре после этого зачахли от холода, но повелители прижились.

И сейчас, впервые за несколько поколений, у них снова появились драконы. Двадцать пять, если быть точным, драконов, вылупившихся из яиц, что были привезены с собой изгнанниками из Каллиполиса десять лет назад.

Драконы для мести.

Драконы для выживших сыновей изгнанников. Драконы для сыновей повелителей, на чье радушие они полагались. Титулы для их детей в великом Каллиполисе будущего.

Но сыновей катастрофически не хватало. Изгнанные Триархи были вынуждены предоставить вылупившихся детенышей драконов остальным людям. Драконорожденным женщинам вроде Джулии. Полукровкам, просочившимся с островов-вассалов Каллиполиса, когда-то презиравшимся за незаконнорожденность, а теперь таким необходимым.

Драконы по-прежнему оставались невостребованными.

И потому, пока флот был не до конца укомплектован, драконорожденные прибегли к шагу, в эффективность которого мало кто верил.

Они подарили оставшихся драконов сыновьям и дочерям своих норчийских крепостных.

И драконы сделали Выбор.

Нас называют наездниками смирения.

* * *

Мы с Дело вошли в стеклянный зал, и за то краткое мгновение, которое требуется, чтобы сделать вдох, я осмотрел помещение. Огромное пространство из сплошных окон рифленого стекла открывало вид на карстовые столбы, взметающиеся из Северного моря, а объединенные президиумы драконорожденных полуаврелианских правителей и изгнанников из Каллиполиса окружали нас кольцом жестких стульев. В центре восседал Радамантус, полуаврелианец, Великий Правитель Нового Питоса, который после Революции присвоил себе ранее освободившийся титул Аврелианского Триарха. Среди выживших не оказалось других аврелианцев из Каллиполиса, чтобы оспорить данное решение.

В двух креслах по краям сидели самые высокопоставленные наездники Трех Семейств. Иксион Грозовой Бич и Роуд, полуаврелианец, а последнее пустовавшее кресло предназначалось для него — Дело. Три

предполагаемых Триарха. Когда Каллиполис восстановится и объединится с Новым Питосом, они будут править втроем.

Я преклонил колени, упираясь ладонями в пол и опустив взгляд на каменные плиты.

Дело заговорил:

— Представляю стеклянному залу моего оруженосца Гриффа Гаресона из клана Наг, наездника смирения из новопитианского флота.

Он по-прежнему стоял рядом со мной, вместо того чтобы занять свое место рядом с Иксионом.

— Добро пожаловать, Грифф. — Мне даже не требовалось видеть говорившего, чтобы представить его: Радамантус напоминал огромного медведя, в чьей красновато-каштановой шевелюре пробивалась седина, а золотистую кожу испещряли морщины. — Иксион сообщил, что у тебя может быть... секретная информация о Джулии.

Радамантус славился в кланах особой жестокостью, но я обнаружил, что по сравнению с причудами изгнанников из Каллиполиса и их драконов его правление было справедливым, пусть и казалось жестким. Я не сводил глаз с каменных плит между моими ладонями.

— Боюсь, господин Иксион ошибся, Ваша Светлость. Леди Джулия никогда не относилась ко мне как к доверенному лицу.

Иксион фыркнул. Сын Радамантуса, Роуд, во всем подражающий Иксиону, тоже усмехнулся.

До моих ушей донесся голос леди Электры, в котором звучало неприкрытое презрение. Она — двоюродная бабушка Иксиона и Джулии, вдова Грозового Бича, который погиб еще до Революции, и решение о наборе норчийских наездников никогда ее не устраивало.

— Меня всегдастораживает, когда они слишком хорошо говорят на драконьем языке.

Дело оставался, слегка покачиваясь, стоять рядом со мной. Я поднял руки, требуя разрешения говорить:

— Леди желает, чтобы я говорил на норише?

— Нет уж, благодарю. Это пустая трата времени, Радамантус.

— Я не верю ему, — сквозь разговоры старших долетел до меня голос Иксиона. Холодный и уставший, словно слова наскучили ему в тот же момент, как он их произнес. За долгие годы тренировок с ним я привык к тому, что от одного лишь звучания меня прошибал холодный пот.

Голос Иксиона ассоциировался у меня с различными неприятными эмоциями: болью, страхом, унижением.

— Пораскинь мозгами, Грифф, возможно, ты все-таки что-то слышал, когда она путалась с тобой...

— Иксион, — резко одернул его Радамантус.

Роуд, уловив, к чему клонит Иксион, решил тоже вступить в игру.

— А как Агга? — спросил он. — Возможно, она поможет тебе вспомнить? Мы можем притащить ее сюда. Вместе с выводком.

Я заметил, как мои пальцы сжимаются на каменном полу. Ждал, что кто-нибудь добавит: «Это не обязательно», но все продолжали молчать.

Обычно в наездники брали норчианцев, у которых имелись семьи. Иксион с Роудом давно уяснили за чем. И быстро прознали имя моей сестры.

До меня донесся тихий, напряженный голос Дело:

— Грифф, ты подумай. Хоть что-нибудь сказанное Джулией, что показалось тебе... странным?

Странным. Джулия всегда отличалась непредсказуемостью, и слово «странный» даже применять по отношению к ней было бессмысленно. Но затем кое-что пришло мне на ум.

— Недавно она писала письмо.

— И?

Полуодетая, Джулия сжалась за письменным столом, а ее длинные волосы, распущенные на ночь, рассыпались по плечам. В тот момент я заметил, как ее ночная рубашка соскользнула с плеча, обнажив соблазнительный изгиб испещренной шрамами от ожогов кожи. Услышав мои шаги, она подпрыгнула и обернулась, прикрыв одной рукой письмо. Но когда заметила меня, успокоилась: *«О. Это ты. Иди ко мне...»*

— Она не хотела, чтобы кто-то видел его.

Радамантус наклонился вперед, и кресло закрипело под его весом.

— Но ты его видел? Видел, кому оно адресовано? И что в нем написано?

Я действительно видел его. Мог рассмотреть, лежа на ее кровати. Она оставила его незапечатанным на письменном столе, когда увлекла меня в свою постель. Развернутое, выставленное на обозрение передо мной, письмо, которое она не хотела, чтобы кто-нибудь увидел.

— Я не...

Я вцепился пальцами в каменный пол, объяснение вертелось у меня на языке, хотя для этого не было никаких оснований. Я выжидал, что кто-нибудь еще вспомнит про это, но, как ни странно, никто ничего не помнил. Как будто я слишком хорошо говорил на драконьем языке, чтобы они помнили и ассоциировали со мной законы, которые их люди навязывали моему народу силой. Дело, стоявший рядом со мной, поежился, словно понял, какие мысли крутятся в моей голове. Но Иксион опередил его. В его голосе прозвучала смесь из раздражения и насмешки:

— Грифф не умеет читать.

Я услышал голос молчавшего до сих пор господина Нестора:

— Это бесполезно, Радамантус. Я же говорил, что мы просто потеряем время, допрашивая этого юношу...

Нестор — отец Дело и наш инструктор по строевой подготовке — весьма строг со своими наездниками в воздухе и еще строже на земле. Он был небесным вдовцом, наездником, потерявшим своего дракона. Дело говорил, что это потеря, от которой он никогда не оправится, и именно в ней кроется причина непростого характера отца.

Однако я был абсолютно уверен в том, что Нестор в любом случае выбрал бы меня в качестве мальчишки для битвы.

С трудом сдерживая гнев, я процедил сквозь зубы:

— Она выглядела взволнованной. После. Говорила о... семье. И преданности.

Пальцы Джулии, запутавшиеся в моих волосах, бездумно распрямляющие кудри, наши тела, сплетенные вместе под легкими как пушинка одеялами, которые и не снились моей семье. *«Ты бы всегда любил свою сестру? Даже если бы она тебя предала? Что бы ты сделал, если бы она предала тебя?»*

Странная, неожиданная влага, появившаяся на моем плече, показалась настолько противоестественной, что поначалу я даже не понял, что происходит. Не понял, что Джулия плакала.

Радамантус барабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Думаешь, она писала Лео, кузену, который служит наездником узурпатора? Мы запретили ей общаться с ним после его последнего отказа.

Дело снова вступил в разговор, и его тихие слова прозвучали так, словно он только начинает осознавать, что происходит:

— Джулия хоть раз слушалась, когда ей что-то запрещали?